

ОСТРОВСКИЙ И РУССКИЙ ТЕАТР

Театр Островского—огромное явление русской культуры. Правы были Гончаровы, когда писал великолепную драматургию: «Только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский национальный театр... Мы рождены и живем в языке неконную, истинную русскую жизнь в бесчисленных животрепещущих образах, с ее вершиной обличием, окладом и головами».

Глубоко зная жизнь, Островский черпал материал для создания своих героя из самых разнообразных общественных слоев, и глубоко естественно было бы называть его «быт-историей купечества» («Колумб Замоскворечья»), как это делала когда-то критика Ещё Добролюбов писал, что: «Островский умеет заглядывать в глубь души человеческой, умеет отличать изнутри от всех извне признаки уродства и наростов» и «тыны козелей Островского нередко заключают в себе не только исключительно купеческие и чиновнические, но и общегородные черты».

Прозрачная «глубина человеческой» со всеми тончайшими оттенками показана Островским с необычайным мастерством. Ему удивлявшимся не меньше, чем сатирическому дару Островского-комедийщика. Его живописное мастерство и поразительное умение, проявляемое в самой легкости характера, обогатили русский комический театр целой галереей типических образов. Все эти Юсуповы, Мурзаевы, Гурмыжские, Хлыновы, Подхализины, Коршуновы и множество других однозначно говорят о страшном прошлом, от чего обособился народ своей исторической борьбы. Островский умел противопоставить им фигуры честных людей, страдающих от насилия и произвола, противступающих против бесправия, чей благородный голос звучал нааждой и призыва. И не к Юсуповым ли обращается благородный бедник, бросявая актер Несчастливцев со своей отповедью: «Вы комедианты, шуты, а не мы...»

Горячая любовь к народу и вера в народные силы создают полнокровный оптимизм драматурга Островского. Богатство лушевских качеств его положительных героев озаряется тем светом, который исходит из глубины русского народного духа, из геройской истории великого народа, от его поэзии, с ее чудесными формами фантазии и вымысла, от его музыки, сказаний и песен, от образов русской культуры, от прекрасной русской природы... Островский недаром бродил в беспрядевом лесу, овеянный поэтическими мечтами, недаром восхищался до слез бескрайними просторами волжского пейзажа, недаром упивался древними русскими германскими сказаниями и летописями, претворяя их в драматической форме. Создатель «Снегурочки», «Сна на Волге», исторических хроник видеоглав, богатство русской народной фантазии, в творчестве народла, в русской истории тот могучий и вольнолюбивый характер, который вселял глубокую веру в его историческое будущее... Русский человек рабом не будет. Он

всегда умел побеждать своих врагов. Он любит свою родину, чудесную русскую землю, полную неисчислимых сокровищ. Он — вольного духа, молодецкой повадки. Он добр и мягок душой и честолюбив, но стоит ему только подняться да выпрямиться — и горе его обидчику!

В своей драматургической и театральной деятельности Островский устанавливал программу огромной значимости, рассчитанную далеко вперед, чутко угадывая будущее. «Театр, — говорил он, — с честным и художественным, здоровым народным репертуаром, развивает народное самопознание и воспитывает сознательную любовь к отечеству». Созданный пьес для такого театра он посвятил всю свою жизнь и весь свой богатырский

Казалось, что он пишет с поразительной легкостью, а на самом деле это было далеко не так. Островский был чрезвычайно трудолюбив. Разумеется, богатый жизненный опыт помогал ему в осуществлении своих замыслов, но его высокое мастерство выработалось не сразу. Будучи человеком широким, Островский был знаком в подлинниках с произведениями мировой драматургии, он переволил Платта и Шекспира, Сенквента и Гольдона. Создавая русскую национальную школу драматургии, Островский боролся с пошлостью и драматичеством за высокую нравственную направленность драматического театра.

Трагическая дружба Островского с актерами своего времени и глубоко поучительна, точно так же, как его близость к театру. Ведь он часто был и режиссером своих пьес и почти всегда толкователем их для актеров. И этого права раскрытия общего замысла и отдельных образов Островский никому не уступил. Но он имел на это право, благодаря превосходному знанию театра, благодаря тому, что соединял в себе и поэта русской жизни, и мастера русского театра.

Рассказывают, что когда Островский хлопотал с проектом устройства русского национального театра и к нему обращались с вопросом, кто же будет писать пьесы в театре, он, подумав, отвечал: «Ну, мои пьесы еще лет на пятьдесят хватят». Современники приписывают это самономию «замоскворечского Шекспира», но история подтверждает прогноз драматурга и даже внесла в него существенные поправки. Его пьесы живут и сейчас, мало того, на них еще можно посмотреть и научиться и нам, драматургам, и актерам, и зрители. И советский зритель, та «свежая публика», о которой мечтал Островский, с наслаждением смотрит его народные комедии и драмы, и хочет, и плачет, и переживает их коллизии, оживляющие на сцене все их жизненную полноту, и смеется над уродливыми сторонами пропой жизни с гордым сознанием, что, хотя все это было, да уничтожено, смешено, сделано на века вечные. Иная пошлая жизнь и люди иные, но дорого им и близко значение чувств, стремления русского человека к справедливости в тех общественных условиях, когда кривда составляла законы и держала народ в кабеле. Полезно оглянуться на свое прошлое, чтобы оценить по настоящему новую лучшую жизнь, чтобы укрепиться в борьбе за нее, ей сильнее ощущать любовь к своей родине, к своему народу, проникнуть в глубину его души, творческим духом его напитаться, утвердиться в сознании своей национальной гордости и еще сильнее неизвестные врагов своей белой родины.

Любовь к отечеству и гордость за свой народ с неслабой силой сидят в нас театр Островского. Этой высокой задаче посвятил всю свою творческую деятельность наш великий русский драматург. В своей заключительной «Записке об устройстве русского национального театра в Москве» он писал: «Тогда же произведения пережидают века, которые были истинно народными у себя дома.»

В наши суровые дни борьбы с немецкими захватчиками мы с особенной гордостью вспоминаем имя сына нашего патриота, основоположника русского национального театра — А. Н. Островского.

В этом доме было чрезвычайное заведение для гостей офицеров. Их художник старателен, разрисовал стены похожими рисунками. Здесь жила русская учительница пения; перед

взрывом ее дом, она с женской

издательством уничтожила листок

и внука

Правда хорошо, в счастье лучше! А. Н. Островского на сцене

Малого театра. Действие III, явление 10-е.

К чему рыданья, жалобы и пени? Смири себя и думай о другом. Да! Никогда не проскрипти ступени под кованым солдатским сабогом. Придут любовь и мир и тишина. Мы верим и надеемся... А ныне, Наперекор всевластию свинца, Ты сохрани в своем малютке сыне

Солдатское бессмертие отца.

II. Головинскому

Мы с грустью вспомним о

былом.

Забытых чувств и мыслей стая

Нас осенит своим крылом.

Перележав на полках сроки

И свежесть потеряв давно,

Нас опьянит простые строки;

Как многолетнее вино.

Страницы желтые листья,

действующая армия.

И. НЕСТЬЕВ Фронтовые заметки

Как ни трудна и ни опасна походная жизнь солдата в наступательных боях, — несложное красноармейское искусство неизменно сопровождает и украшает горячие солдатские будни. Сколько заисленных, потешников из нетрапы, разъезжих в кузовах автомобилей, в крестьянские дровни вместе с патронами, с баллонами бензина, с мешками солдатских булаков. И какими хорошими сиянием свещиваются лица бойцов, когда родные звуки гармоний нарушат безмолвие дороги. Сотни импровизированных концертов ежедневно происходят на дорогах наступления — перерывах между боями, на марша, на коротком отдыхе в крестьянских хатах. Художественная самодеятельность в этих условиях крайне сократила свои масштабы, упростила формы. Но она живет и ведет свою блестящую жизнь, и в солдатском счастье, и в любви к французской гармонии, и в французской армии.

Рассказывают, что когда Островский подвергся прогнозу драматурга и даже внесла в него существенные поправки. Его пьесы живут и сейчас, мало того, на них еще можно посмотреть и научиться и нам, драматургам, и актерам, и зрителям.

И советский зритель, та «свежая публика», о которой мечтал Островский, с наслаждением смотрит его народные комедии и драмы, и хочет, и плачет, и переживает их коллизии, оживляющие на сцене все их жизненную полноту, и смеется над уродливыми сторонами пропой жизни с гордым сознанием, что, хотя все это было, да уничтожено, смешено, сделано на века вечные. Иная пошлая жизнь и люди иные, но дорого им и близко значение чувств, стремления русского человека к справедливости в тех общественных условиях, когда кривда составляла законы и держала народ в кабеле. Полезно оглянуться на свое прошлое, чтобы оценить по настоящему новую лучшую жизнь, чтобы укрепиться в борьбе за нее, ей сильнее ощущать любовь к своей родине, к своему народу, проникнуть в глубину его души, творческим духом его напитаться, утвердиться в сознании своей национальной гордости и еще сильнее неизвестные врагов своей белой родины.

Рассказывают, что когда Островский подвергся прогнозу драматурга и даже внесла в него существенные поправки. Его пьесы живут и сейчас, мало того, на них еще можно посмотреть и научиться и нам, драматургам, и актерам, и зрителям.

И советский зритель, та «свежая публика», о которой мечтал Островский, с наслаждением смотрит его народные комедии и драмы, и хочет, и плачет, и переживает их коллизии, оживляющие на сцене все их жизненную полноту, и смеется над уродливыми сторонами пропой жизни с гордым сознанием, что, хотя все это было, да уничтожено, смешено, сделано на века вечные. Иная пошлая жизнь и люди иные, но дорого им и близко значение чувств, стремления русского человека к справедливости в тех общественных условиях, когда кривда составляла законы и держала народ в кабеле. Полезно оглянуться на свое прошлое, чтобы оценить по настоящему новую лучшую жизнь, чтобы укрепиться в борьбе за нее, ей сильнее ощущать любовь к своей родине, к своему народу, проникнуть в глубину его души, творческим духом его напитаться, утвердиться в сознании своей национальной гордости и еще сильнее неизвестные врагов своей белой родины.

Рассказывают, что когда Островский подвергся прогнозу драматурга и даже внесла в него существенные поправки. Его пьесы живут и сейчас, мало того, на них еще можно посмотреть и научиться и нам, драматургам, и актерам, и зрителям.

И советский зритель, та «свежая публика», о которой мечтал Островский, с наслаждением смотрит его народные комедии и драмы, и хочет, и плачет, и переживает их коллизии, оживляющие на сцене все их жизненную полноту, и смеется над уродливыми сторонами пропой жизни с гордым сознанием, что, хотя все это было, да уничтожено, смешено, сделано на века вечные. Иная пошлая жизнь и люди иные, но дорого им и близко значение чувств, стремления русского человека к справедливости в тех общественных условиях, когда кривда составляла законы и держала народ в кабеле. Полезно оглянуться на свое прошлое, чтобы оценить по настоящему новую лучшую жизнь, чтобы укрепиться в борьбе за нее, ей сильнее ощущать любовь к своей родине, к своему народу, проникнуть в глубину его души, творческим духом его напитаться, утвердиться в сознании своей национальной гордости и еще сильнее неизвестные врагов своей белой родины.

Рассказывают, что когда Островский подвергся прогнозу драматурга и даже внесла в него существенные поправки. Его пьесы живут и сейчас, мало того, на них еще можно посмотреть и научиться и нам, драматургам, и актерам, и зрителям.

И советский зритель, та «свежая публика», о которой мечтал Островский, с наслаждением смотрит его народные комедии и драмы, и хочет, и плачет, и переживает их коллизии, оживляющие на сцене все их жизненную полноту, и смеется над уродливыми сторонами пропой жизни с гордым сознанием, что, хотя все это было, да уничтожено, смешено, сделано на века вечные. Иная пошлая жизнь и люди иные, но дорого им и близко значение чувств, стремления русского человека к справедливости в тех общественных условиях, когда кривда составляла законы и держала народ в кабеле. Полезно оглянуться на свое прошлое, чтобы оценить по настоящему новую лучшую жизнь, чтобы укрепиться в борьбе за нее, ей сильнее ощущать любовь к своей родине, к своему народу, проникнуть в глубину его души, творческим духом его напитаться, утвердиться в сознании своей национальной гордости и еще сильнее неизвестные врагов своей белой родины.

Рассказывают, что когда Островский подвергся прогнозу драматурга и даже внесла в него существенные поправки. Его пьесы живут и сейчас, мало того, на них еще можно посмотреть и научиться и нам, драматургам, и актерам, и зрителям.

И советский зритель, та «свежая публика», о которой мечтал Островский, с наслаждением смотрит его народные комедии и драмы, и хочет, и плачет, и переживает их коллизии, оживляющие на сцене все их жизненную полноту, и смеется над уродливыми сторонами пропой жизни с гордым сознанием, что, хотя все это было, да уничтожено, смешено, сделано на века вечные. Иная пошлая жизнь и люди иные, но дорого им и близко значение чувств, стремления русского человека к справедливости в тех общественных условиях, когда кривда составляла законы и держала народ в кабеле. Полезно оглянуться на свое прошлое, чтобы оценить по настоящему новую лучшую жизнь, чтобы укрепиться в борьбе за нее, ей сильнее ощущать любовь к своей родине, к своему народу, проникнуть в глубину его души, творческим духом его напитаться, утвердиться в сознании своей национальной гордости и еще сильнее неизвестные врагов своей белой родины.

Рассказывают, что когда Островский подвергся прогнозу драматурга и даже внесла в него существенные поправки. Его пьесы живут и сейчас, мало того, на них еще можно посмотреть и научиться и нам, драматургам, и актерам, и зрителям.

И советский зритель, та «свежая публика», о которой мечтал Островский, с наслаждением смотрит его народные комедии и драмы, и хочет, и плачет, и переживает их коллизии, оживляющие на сцене все их жизненную полноту, и смеется над уродливыми сторонами пропой жизни с гордым сознанием, что, хотя все это было, да уничтожено, смешено, сделано на века вечные. Иная пошлая жизнь и люди иные, но дорого им и близко значение чувств, стремления русского человека к справедливости в тех общественных условиях, когда кривда составляла законы и держала народ в кабеле. Полезно оглянуться на свое прошлое, чтобы оценить по настоящему новую лучшую жизнь, чтобы укрепиться в борьбе за нее, ей сильнее ощущать любовь к своей родине, к своему народу, проникнуть в глубину его души, творческим духом его напитаться, утвердиться в сознании своей национальной гордости и еще сильнее неизвестные врагов своей белой родины.

Рассказывают, что когда Островский подвергся прогнозу драматурга и даже внесла в него существенные поправки. Его пьесы живут и сейчас, мало того, на них еще можно посмотреть и научиться и нам, драматургам, и актерам, и зрителям.

И советский зритель, та «свежая публика», о которой мечтал Островский, с наслаждением смотрит его народные комедии и драмы, и хочет, и плачет, и переживает их коллизии, оживляющие на сцене все их жизненную полноту, и смеется над уродливыми сторонами пропой жизни с гордым сознанием, что, хотя все это было, да уничтожено, смешено, сделано на века вечные. Иная пошлая жизнь и люди иные, но дорого им и близко значение чувств, стремления русского человека к справедливости в тех общественных условиях, когда кривда составляла законы и держала народ в кабеле. Полезно оглянуться на свое прошлое, чтобы оценить по настоящему новую лучшую жизнь, чтобы укрепиться в борьбе за нее, ей сильнее ощущать любовь к своей родине, к своему народу, проникнуть в глубину его души, творческим духом его напитаться, утвердиться в сознании своей национальной гордости и еще сильнее неизвестные врагов своей белой родины.

Рассказывают, что когда Островский подвергся прогнозу драматурга и даже внесла в него существенные поправки. Его пьесы живут и сейчас, мало того, на них еще можно посмотреть и научиться и нам, драматургам, и актерам, и зрителям.

И советский зритель, та «свежая публика», о которой мечтал Островский, с наслаждением смотрит его народные комедии и драмы, и хочет, и плачет, и переживает их коллизии, оживляющие на сцене все их жизненную полноту, и смеется над уродливыми сторонами пропой жизни с гордым сознанием, что, хотя все это было, да уничтожено, смешено, сделано на века вечные. Иная пошлая жизнь и люди иные, но дорого им и близко значение чувств, стремления русского человека к справедливости в тех общественных условиях, когда кривда составляла законы и держала народ в кабеле. Полезно оглянуться на свое прошлое, чтобы оценить по

